

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.10>

Цао Сюэмэй

Образ китайца в повести Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69": новаторство и преемственность

В статье предлагается анализ образа китайца Син-Бин-У - одного из персонажей повести Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69" (1922 г.). Основная цель исследования - раскрыть два аспекта: новаторство и преемственность, - в созданном писателем художественном образе. Научная новизна работы состоит в том, что повесть "Бронепоезд 14-69" впервые рассматривается в ее связи с процессом освоения китайской тематики в русской литературе. Полученные результаты показали: в этом произведении создается новый, запоминающийся образ китайца - "красного" китайца, участвовавшего в русской революции. При этом писатель продолжает сложившуюся еще в XVIII веке традицию: говоря о китайцах, он выражает свой взгляд на российскую реальность (в повести это революция и война) сквозь призму китайских философских мыслей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.10>

Дата поступления рукописи: 15.05.2020

В статье предлагается анализ образа китайца Син-Бин-У – одного из персонажей повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» (1922 г.). Основная цель исследования – раскрыть два аспекта: новаторство и преемственность, – в созданном писателем художественном образе. Научная новизна работы состоит в том, что повесть «Бронепоезд 14-69» впервые рассматривается в ее связи с процессом освоения китайской тематики в русской литературе. Полученные результаты показали: в этом произведении создается новый, запоминающийся образ китайца – «красного» китайца, участвовавшего в русской революции. При этом писатель продолжает сложившуюся еще в XVIII веке традицию: говоря о китайцах, он выражает свой взгляд на российскую реальность (в повести это революция и война) сквозь призму китайских философских мыслей.

Ключевые слова и фразы: Вс. Иванов; повесть «Бронепоезд 14-69»; китайская тема в русской литературе; художественный образ; образ «красного» китайца.

Цао Сюэмэй, к. филол. н.
Китайская Народная Республика
583468988@qq.com

Образ китайца в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69»: новаторство и преемственность

Актуальность статьи определяется углублением в последние десятилетия взаимодействия культур России и Китая в контексте развития отношений двух стран, а также активным интересом современного литературоведения к формам и проблемам межкультурной коммуникации.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- во-первых, исследовать идеологическое содержание образа китайца Син-Бин-У в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и социально-политический контекст данного образа;
- во-вторых, определить прежнее социальное положение героя (он «китайский крестьян») как связь между политическим и культурным содержанием образа китайца;
- в-третьих, рассмотреть образ китайского крестьянина в русской художественной традиции конца XIX и начала XX века, появление и эволюцию этого образа в повести Вс. Иванова;
- в-четвертых, осмыслить видение войны, воплощенное в образе китайца Син-Бин-У, проанализировать связь его воззрений с китайской философской мыслью.

Теоретической базой настоящей статьи послужили разработка концепта «другой для меня» у М. М. Бахтина [1], исследования природы образа «чужого» у европейских имагологов (Д.-А. Пажо [10], Х. Дизеринк [5], Йуп Леерсен [8] и др.), работы по имагологии русских и китайских ученых (А. Ю. Большакова [2], В. Б. Земсков [6], О. Ю. Поляков, О. А. Полякова [11], Мэн Хуа [14], Чжоу Нин [16] и др.). В работе использованы имагологический и культурно-исторический **методы исследования**.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при создании учебных пособий, лекционных курсов «История русской литературы», «Литературное краеведение» и др.

В русской литературе процесс художественного, образного освоения темы Китая и китайцев продолжается на протяжении более чем двух веков. Китайская тематика привлекла повышенное внимание в период правления Петра I. Впоследствии, в конце XVIII столетия, интерес еще более возрос под влиянием Европы. Формирование образа «просвещенного Китая» связано с творчеством таких известных российских литературных деятелей, как М. Ломоносов, Н. Новиков, А. Кантемир, Г. Державин, А. Радищев, а также с представлениями Екатерины Второй и других правителей. В произведениях указанных авторов отношение к научным, художественным, философским достижениям Китая было уважительным, более того – восторженным. В XIX веке писатели-классики расширили образ Китая, придали ему объемность и многогранность. В литературе того времени стал доминировать мотив «неподвижного» и «отсталого» Китая (В. Белинский, Н. Чернышевский и др.). По мысли китайского профессора Чжан Цзяньхуа, в Российской империи образ Китая – это, прежде всего, «образ культуры». Однако в начале XX века начинается его трансформация.

Рубеж XIX-XX веков отмечен глобальными революционными изменениями в идеологической, политической, социальной сфере. Такого рода события составили базу для сближения Китая с Россией, усилили взаимное внимание данных стран. «Именно в это время, кроме существующего культурного содержания, “образ Китая” начал приобретать политическое содержание» [15, с. 21] – указывает Чжан Цзяньхуа. «Преобразование “образа Китая” в России началось в связи с представлениями В. И. Ленина и большевиков о революционной судьбе и миссии Китая» [Там же]. Отношение к Китаю изменилось: он стал восприниматься в качестве государства-союзника в противостоянии с империализмом, капитализмом западного образца, в борьбе за дело мировой революции. Русской советской литературой подобные изменения в понимании роли Китая были восприняты весьма оперативно. Была создана плеяда ярких образов представителей китайского народа, являвшихся, как было принято выражаться в то время, социально близкими, сражавшихся с империалистическим диктатом. В русской литературе 20-х годов прошлого века нашли отражение происходившие тогда в Китае революционные события. Несмотря на то, что значительная часть писавших о Китае русских авторов (среди которых следует выделить Д. Бедного, С. Третьякова, М. Светлова, Вл. Маяковского, Н. Асеева, В. Уткина и др.)

не наблюдала их непосредственно, в созданных поэтами, публицистами, драматургами и прозаиками художественных картинах ощущаются подлинная классовая солидарность, глубоко личное участие.

В свою очередь, в сердцах революционно настроенных китайцев нашло горячий отклик содействие со стороны правительства большевиков усилиям китайского народа, направленным на освобождение от колониального и социального угнетения. Русские и китайцы стали соратниками по революционному движению. Следствием явилось активное участие китайцев в вооруженной борьбе большевиков в период Гражданской войны. Как отмечает А. В. Лукин, «во время революции многие бедные китайские рабочие (около 30-40 тыс.) вступили в Красную армию и сражались со старым режимом» [9, с. 190]. Когда русские прозаики и поэты обратились к теме революционного Китая, началось формирование образа «красного» китайца-интернационалиста. Основу его составляли переживания социальной близости, что русские авторы и выражали соратникам по борьбе за светлое будущее.

Вс. Иванов, заинтересовавшись данной темой, создал в своей повести «Бронепоезд 14-69» образ китайского солдата Син-Бин-У, который сражается и погибает за победу большевизма. Присоединение к красным партизанам – реализация классового инстинкта китайца. Мотивация его заключается именно в согласии с их идеями, в общей с русскими партизанами ненависти к японцам. Так, услышав разговор русских партизан о зле, причиненном японцами народу, Син-Бин-У понял, что речь идет о Китае и китайцах, то есть и о нем самом, поэтому с радостью «пошел с ними рядом» [7, с. 14].

Революционные события в России обогатили лексикон не только политической верхушки, но и простого народа понятиями «класс» и «классовый». Дифференциация общества основывалась теперь на классовой принадлежности. При этом основу подобной дифференциации составляет не только экономический статус, но и мировоззрение, которое является кардинально различным у разных классов. Идеология большевизма в ранний советский период в значительной степени основывалась на призыве: «Землю – крестьянам». Этот призыв соответствовал ожиданиям русских крестьян, поскольку «мужицкий национализм, как и вера, – земляные, от власти земли» [3, с. 104]. Взяв на вооружение этот лозунг, большевики обеспечили себе поддержку значительной части крестьянства. В повести социальное положение (крестьянин или нет) и отношение к земле стали критерием для различения союзников и врагов. Японцы воспринимаются партизанами как враги, стремящиеся отнять землю («Землю жалко. Японец отымет» [7, с. 38]). Партизаны относятся к японцам намного жестче, чем, например, к американцу-интервенту: его не только не убивают, но и отпускают, демонстрируя тем самым подлинную человечность. Для того чтобы понять причины подобных различий в отношении, следует вдуматься в слова о китайцах, произнесенные Н. Вершининым: «Люди все хорошие, должны понять. Такие ж крестьяне, как и мы, скажем, пашете и все такое. Японец, он што, рис жрет, для него по-другому говорить надо!» [Там же, с. 22].

Чтобы обосновать классовый инстинкт Син-Бин-У и родственность взглядов китайца и партизан, Вс. Иванов в своей повести подчеркивает прежнее социальное положение партизана – китайский крестьянин. Он ведет размеренную крестьянскую жизнь: «...у Син-Бин-У была жена из фамилии Е, крепкая фанза (хижина), в фанзе крашеный теплый кан (деревянные нары, заменяющие постель) и за фанзой желтые поля гаоляна и чумизы (род китайского проса, употребляемого в пищу)». Из-за японцев «в один день, когда гуси улетели на юг, все исчезло» [Там же, с. 34].

Картина мира Син-Бин-У является близкой к мировоззрению крестьян России. Всего несколько фраз китайца-партизана емко отражают его ненависть к японцам и симпатии к русским. Например, когда поймали американца, герой неторопливо пытался убедить его: «Русики ресьпубылика-а. Китайси ресьпубылика-а. Мерикансы ресьпубылика-а пухао. Нипонсы, пухао, надо, надо ресьпубылика-а. Кыра-а-сна ресьпубылика нада, нада...» [Там же, с. 25].

Образы китайских крестьян в русской культуре конца XIX – начала XX века обладают символической особенностью. Для демонстрации своеобразия китайского ума авторы охотно используют образы китайских крестьян. И в этом видны явные отличия от литературы предшествующих веков. В XVIII веке в качестве олицетворения мудрости Востока Екатерина Вторая, Радищев, Державин вводят в свои произведения образ китайского императора или, например, Конфуция. А в конце XIX – начале XX века основным персонажем мифологизированного образа мудрого Китая выступает китайский крестьянин. Так, в повести М. Горького «Лето» русский солдат, попавший в Китай во время военных действий, сделал неожиданное открытие: «Да разве сюда за войной ездить? Сюда за умом! За умом надобно ездить, а не драться, да!» [4, с. 415]. Увидев спокойную, мирную жизнь китайских крестьян, солдат восхищается: «Ежели китайца добром спросить – он добру научит! Он земле свой, родной человек, понимает он, чего земля хочет, убирает ее как постелю, э-эх!» [Там же].

Отмеченное изменение тесно связано с освоением русскими мыслителями китайской мудрости в эпоху социальных беспорядков. В русском социальном сознании XVIII и начала XIX века мудрость китайского императора была связана с философскими взглядами на проблемы общества, выработанными в конфуцианстве. На следующем этапе, на рубеже XIX и XX веков, русскими мыслителями были отмечены присущие философским концепциям Китая соображения о мирной жизни, основанной на труде в сельском хозяйстве.

Еще пример. Созданное Л. Н. Толстым «Письмо к китайцу» содержит замечание, что китайцы найдут в себе силы, чтобы прекратить хаос, сопутствовавший правлению династии Цин, жить земледельческой жизнью, посвятив себя мирному труду. Основу подобной возможности писатель-мыслитель усматривает в том, что китайцы являются наследниками великих китайских философских доктрин – буддизма, даосизма, конфуцианства. Эти же мысли отражены и в дневнике, который вел Л. Толстой: «Китайцы самый мирный народ на свете. Им чужого не нужно, и они не любят воевать. Китаец – хлебопашец. Царь их сам запахивает. И от того китайцы самый мирный народ на свете» [12, с. 532].

Образ Син-Бин-У в повести Вс. Иванова – образ мирного труженика, чья жизнь соответствует канонам китайской философии. Он читал «Ши-цзинь». Это «книга стихов, чтение которой указывает на хорошую грамотность» [7, с. 35], – подчеркивает автор повести. Но Син-Бин-У становится партизаном, и теперь его деятельность неотделима от жестоких событий Гражданской войны («бросил “Ши-цзинь” в колодец... и ушел с русскими по дороге Красного знамени и восстаний» [Там же]). В «Ши-цзине» собраны основы философской традиции, сформировавшейся в Китае. Отказ от книги символизирует трансформацию духовных основ личности героя.

Теперь перед нами новый вариант образа мудрого китайского крестьянина, предстающего не мирным, трудолюбивым земледельцем, как в восприятии Л. Н. Толстого, но участником хаоса военных событий. «Красный» китаец Син-Бин-У, в прошлом крестьянин, не утрачивает своей мудрости. Она лишь находит себе иное проявление. Син-Бин-У становится разумным, хорошим бойцом-партизаном. Он совершает поступки, оказывающие определяющее влияние на успешность различных этапов борьбы.

Китаец органично вписан в будни партизанского отряда. При этом его образ содержит черты «отрешенной» личности, живущей предчувствием совершенного мира будущего, который неспособны видеть окружающие. У китайского крестьянина, воспитанного согласно национальной культурной традиции, основанной на стремлении к миру, на такой ценности, как трудолюбие, существенно более выраженным является интуитивное понимание необходимости победы.

Небезынтересно сопоставить поведение представителей крестьянства двух стран – Китая и России – в партизанской среде. Вершинин, руководитель штаба партизан, пытается найти добровольцев, согласных погнубнуть, чтобы остановить бронепоезд, русские молчат (за исключением Васьки Огорока). У русских присутствует стремление к борьбе, к победе, воспринимаемой в качестве обязательного средства для перехода к спокойной, мирной жизни. Данное стремление есть стремление к жизни, а не к победе как таковой, и в этой связи принести себя в жертву делу победы они не готовы. Иногда они не хотят отказаться от своих материальных интересов: Син-Бин-У ложится на рельсы, и в это время «корявый палевобородый мужичонко крикнул ему: – Ковш тот брось суды, манзал!.. Да и ливорвер-то бы оставил. Куда тебе ево?.. Ей!.. А мне сгодится!..» [Там же, с. 65].

Когда писатель пытался изобразить нюансы психологии своего героя другой национальности, ему неизбежно приходилось иметь дело с менталитетом и культурой древнего народа. Как полагает Р. Ханинова, Вс. Иванов сохранял интерес к Востоку с юношеского периода и до момента смерти [13, с. 78]. Что подтверждается в числе прочего и созданным два года спустя произведением «Возвращение Будды», где образ Монголии является интегральным образом всего восточного. В повести о Будде многие главы предваряются строками из произведений китайских поэтов Тао Юаньмина, Юань Мей, Сикун-Ту, отражающими представления древней китайской философии. Бесспорно, Вс. Иванов имел определенное представление о китайском философском наследии и продемонстрировал способность органично включить его в созданное произведение.

Доказательство знакомства Вс. Иванова с китайской культурой, в частности даосизмом, встречаем и в повести «Бронепоезд 14-69». Син-Бин-У поет песню о нападении Красного Дракона на девушку Чен Хуа, имея в виду революцию в Китае. Чен Хуа воспринимается им в качестве представителя даосизма, что следует из детальной характеристики пищи, которую она принимает: «Лицо у девушки было цвета корня женьшеня, и пища ее была: у-вей-цзы – петушки гребешки; ма-жу – грибы величиною со зрачок; чжен-цзай-цай. Весьма было много всего этого, и весьма все это было вкусно» [7, с. 12]. Перечисленные продукты в традиционной медицине Китая рассматриваются как особые лекарства, используемые не только для лечения болезней, но и для совершенствования человеческого организма. Существует тесная связь традиционной медицины и даосизма в виде их общей основы – концепции «инь-ян». Приверженцы даосизма считают, что сохранение хорошего состояния организма имеет такое же важное значение, как и совершенствование морали. А в традиционной китайской медицине как раз предлагаются способы, позволяющие обеспечить здоровье человека. История свидетельствует, что многие даосы обладали широкими познаниями в сфере традиционной медицины.

Если девушка Чен Хуа, воплощающая даосскую концепцию, воспринимается читателем как олицетворение жизни, которая соответствует соблюдению принципа «недеяния», то Син-Бин-У – хранитель этой спокойной жизни. Он выбрал войну, чтобы противостоять хаосу, но к самой войне он относится не с такой страстью, как другие партизаны. Это иллюстрируется следующим эпизодом. Син-Бин-У не пошел на митинг, где бушевала «потная тысячная толпа»: «...мне ни нада... Мне так зынаю...» [Там же, с. 37]. Такое амбивалентное отношение к войне соответствует концепции даосизма.

Восприятие войны в концепции даосизма основано на мнении Лао Цзы – основателя данной философской доктрины. Отношение даосизма к войне амбивалентно, то есть двойственно. Причина в том, что время жизни мыслителя пришлось на эпоху Весен и Осеней. Территория Китая в этот период включала значительное число небольших государств, нередко вступающих в военное противоборство друг с другом. Подобный контекст обусловил появление ряда уникальных идей, которые были сформулированы Лао Цзы в связи с войной. Основу их составлял анализ военных действий, происходивших в прошлом. Даосизм постулирует, что рождение всего сущего происходит посредством Дао. Рождение и мир относятся к числу наиболее значимых ценностей. В этой связи отношение даосизма к войне как к событию, разрушающему природный и социальный порядок, является негативным. В то же время даосизм не исключает возможности справедливой войны. Критерий справедливости применительно к войне таков: противник в подобной войне не соблюдает принцип «недеяния» и совершает злодеяния.

Амбивалентное отношение к войне присуще и Вершинину, руководителю партизан, который пытался объяснить старику-беженцу, что прежняя жизнь сломалась, как телега, а за новую мирную жизнь необходимо

бороться. В то же время Вершинин сочувствует всем, чью мирную жизнь разрушила война. Среди партизан, чьи чувства во многом огрубели от жестких событий, в которых пришлось участвовать, Никита Вершинин интуитивно не ищет понимания. Сочувствие может подарить лишь китаец, наследник тысячелетней китайской мудрости: «А ты... как думаешь... А? Пошто эта, а?..» Находясь в таком же противоречивом состоянии, Син-Бин-У ответил: «Не зынаю, Кита. Гори-гори... Не зынаю!..» [Там же].

Итак, мы приходим к следующим *выводам*. Образ «красного» китайца Син-Бин-У появился у Вс. Иванова в связи с особыми обстоятельствами революционных лет, когда Китай воспринимался в России как соратник по классовой борьбе. Это образ нового типа: он насыщен революционными красками, выразительными деталями. Подчеркнув социальное положение Син-Бин-У (в прошлом он крестьян), писатель, с одной стороны, показал классовую близость китайца и русских партизан; с другой стороны, автор наделяет своего героя богатством китайской философской мысли, традиционно в конце XIX и начале XX века воспринимаемой как стремление китайцев к мирной, спокойной, близкой к природе жизни. Оказавшись в хаосе военных событий, прежний мирный труженик стал «красным» китайцем, обладающим даосским двойственным отношением к войне. Показ мировоззрения китайца, воспитанного традиционной философской мыслью, позволяет перенести размышление о войне из общеидеологической сферы в сферу духовную. Предпринятый анализ открывает перспективу и для дальнейшего исследования творчества Вс. Иванова, и для углублённого анализа китайской темы в русской литературе.

Список источников

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 9-191.
2. Большакова А. Ю. Россия и Запад в начале нового тысячелетия. М.: Наука, 2007. 326 с.
3. Воронский А. К. Избранные статьи о литературе. М.: Худож. лит., 1982. 527 с.
4. Горький М. Лето // Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1951. Т. 8. Повести. 1907-1909. С. 379-498.
5. Дизеринк Х. Компаративистская имагология. По ту сторону имманентного и трансцендентного толкования / пер. А. Безденежных // Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. С. 154-158.
6. Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2005. 343 с.
7. Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. 352 с.
8. Леерссен Й. Имагология: история и метод / пер. О. Ю. Полякова // Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. С. 159-162.
9. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток – Запад: АСТ, 2007. 608 с.
10. Пажо Д.-А. Перспектива исследований в сравнительном литературоведении: культурная иконография / пер. В. Ситниковой // Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. С. 135-144.
11. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
12. Толстой Л. Н. Китайская мудрость // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91-м т. М.: Терра, 1992. Т. 25. С. 532-535.
13. Ханинова Р. М. Концепт «статуи» в одноименных произведениях Вс. Иванова и Г. Газданова «Возвращение Будды» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: материалы Междунар. науч. конф. М.: МГОУ, 2003. Вып. 2. С. 76-84.
14. 孟华. 比较文学形象学. 北京: 北京大学出版社, 2001. 共282页 (Мэн Хуа. Компаративистская имагология. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2001. 282 с.).
15. 张建华. 《德尔苏·乌扎拉》: 冲突年代苏联电影中的“中国形象”与中苏关系 // 俄罗斯研究. 2015年第2期, 第20-45页 (Чжан Цзяньхуа. «Дерсу Узала»: образ Китая в советском кино эпохи конфликтов и китайско-советские отношения // Исследования о России. 2015. № 2. С. 20-45).
16. 周宁. 天朝遥远: 西方的中国形象研究. 北京: 北京大学出版社, 2012年. 共862页 (Чжоу Нин. Далекая Поднебесная: исследование об образе Китая на Западе. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2012. 862 с.).

Image of the Chinese in the Story by Vs. Ivanov “Armoured Train 14-69”: Tradition and Innovation

Cao Xuemei, PhD
People's Republic of China
583468988@qq.com

The article analyses the image of the Chinese revolutionary Hsing Ping-wu – a personage of Vs. Ivanov's story “Armoured Train 14-69” (1922). The paper aims to reveal interrelation of tradition and innovation in formation of this artistic image. Scientific originality of the study lies in the fact that the story “Armoured Train 14-69” is for the first time examined taking into account development of the “Chinese” theme in the Russian literature. The findings indicate that Ivanov has created a fresh, vivid image of the “red” Chinese participating in the Russian revolution. The writer continues the tradition established already in the XVIII century: when it comes to the Chinese, the Russian reality (in our case, revolution and war) is considered through the lenses of the Chinese philosophy.

Key words and phrases: Vs. Ivanov; story “Armoured Train 14-69”; “Chinese” theme in Russian literature; artistic image; image of the “red” Chinese.